

DOI: 10.37791/2687-0657-2023-17-6-112-127

Стенограмма семинара

«Активизация применения конкурентного законодательства для преодоления отрицательных эффектов существенной рыночной власти в экосистемах цифровых платформ: альтернативные варианты, аргументы противоположных сторон»

19 октября 2023 г.

**Лаборатория конкурентной и антимонопольной политики
Института анализа предприятий и рынков НИУ ВШЭ**

avdash@hse.ru

Аннотация. Семинар посвящен альтернативным правовым решениям проблемы конкурентной политики в отношении цифровых платформ и их экосистем. Применение запретов на основании специфического для каждого дела экономического анализа (то, что называется *effects-based analysis* в Европейском Союзе и *rule of reason* в США) демонстрирует ограниченную эффективность из-за слишком продолжительного процесса принятия решений. Доклад профессора Я. Катсулакоса, почетного профессора Университета экономики и бизнеса г. Афины, почетного ведущего профессора университета финансов и экономики г. Цзянси (JUFЕ), бывшего комиссионера Комиссии по защите конкуренции Греции, руководителя научного комитета и координатора конференции и летней школы по конкуренции и регулированию CRESSE (*cresse.info*), классифицирует основные подходы к реформе в терминах изменения субстантивного (материального) стандарта конкурентного законодательства, правового стандарта, перераспределения бремени доказательства в антимонопольных делах, а также в терминах разделения подходов к применению законов *ex ante* и *ex post*.

Ключевые слова: рынок, регулирование, цифровые платформы, субстантивный стандарт, правовой стандарт, Digital Market Act

Для цитирования: Стенограмма семинара «Активизация применения конкурентного законодательства для преодоления отрицательных эффектов существенной рыночной власти в экосистемах цифровых платформ: альтернативные варианты, аргументы противоположных сторон» / Лаборатория конкурентной и антимонопольной политики Института анализа предприятий и рынков НИУ ВШЭ // Современная конкуренция. 2023. Т. 17. № 6. С. 112–127. DOI: 10.37791/2687-0657-2023-17-6-112-127

Transcript of the Seminar

“Increasing Enforcement to Deal with Negative Consequences of Significant Market Power in Digital Ecosystems: Alternatives, Pros and Cons, Counterarguments”

October 19, 2023

Laboratory of Competition and Antimonopoly Policy, Institute of Industrial and Market Studies HSE University

avdash@hse.ru

Abstract. The seminar is devoted to alternative legal ways in enhance competition policy enforcement towards large digital platforms and their ecosystems. Effects-based, or rule of reason competition enforcement that requires case-specific economic analysis shows limited effectiveness due to excessively lengthy decision-making process, which is not always compensated by the decrease of legal errors. The presentation of Professor Y. Katsoulacos (Emeritus Professor, Athens University of Economics and Business, Affiliated Chair Professor, Jiangxi University of Finance and Economics (JUFE), former Commissioner of the Hellenic Competition Commission, Chair of Scientific Committee and Coordinator of Competition and Regulation European Summer School and Conference CRESSE www.cresse.info), classifies the main approaches to reform in terms of changing the substantive standard of competition law, the legal standard, reallocation the burden of proof in competition cases, as well as in terms of the choice between *ex ante* regulation and *ex post* law enforcement.

Keywords: market, regulation, digital platforms, substantial standard, legal standard, Digital Market Act

For citation: Transcript of the Seminar “Increasing Enforcement to Deal with Negative Consequences of Significant Market Power in Digital Ecosystems: Alternatives, Pros and Cons, Counterarguments”. Laboratory of Competition and Antimonopoly Policy, Institute of Industrial and Market Studies HSE University. *Sovremennaya konkurentsija*=Journal of Modern Competition, 2023, vol.17, no.6, pp.112-127 (in Russian). DOI: 10.37791/2687-0657-2023-17-6-112-127

Светлана Авдашева (заместитель директора Института анализа предприятий и рынков НИУ ВШЭ):

Уважаемые коллеги, сегодня мы имеем большую честь и большое удовольствие слушать доклад Яниса Катсулакоса – почетного профессора Университета экономики и бизнеса г. Афины (Athens University of Economics and Business), бывшего комиссионера Комиссии по конкуренции Греции (ан-

тимонопольного органа, Hellenic Competition Commission), почетного профессора Университета экономики и финансов Цзянси (Jiangxi University of Finance and Economics), председателя научного комитета и координатора лучшей конференции, посвященной проблемам конкуренции и регулирования, – CRESSE (cresse.info).

Растущая рыночная власть цифровых платформ и их экосистем является предме-

том озабоченности всех регуляторов мира. Россия не исключение. Принимаются новые решения о нарушении антимонопольного законодательства цифровыми платформами. Разрабатываются новые законы, регламентирующие работу цифровых платформ. Но как именно поддержать конкуренцию на целевых рынках цифровых платформ, остается предметом дискуссий. Вот почему сегодняшний семинар так интересен и важен для нас.

Янис Катсулакос:

Для меня большое удовольствие вновь представлять мой доклад на вашем семинаре.

Сегодня я разберу вопросы, связанные с глобальным трендом ужесточения применения конкурентного законодательства в отношении компаний, обладающих существенной рыночной властью на высокотехнологичных цифровых рынках. Активизацию правоприменения мы наблюдаем в различных регионах, включая Европейский Союз, США, страны БРИКС, Австралию, Новую Зеландию и Канаду. Мы должны ответить на вопрос, оправдан ли всплеск правоприменения особенностями цифровых экосистем или же он является спонтанной реакцией на десятилетия бездействия органов конкурентной политики, на недостаточное применение запретов (*underenforcement*).

В первую очередь нужно определить, когда применение запретов, с точки зрения экономистов, недостаточно. В общем случае это ситуация, когда слишком много действий, обладающих существенной рыночной властью продавцов, *снижающих благосостояние*, не признаны незаконными и не остановлены (не предотвращены). Такое определение недостаточного применения запретов исходит из того, что главным критерием результативности конкурентной политики является совокупное благосостояние (*welfare*) или выигрыш потребителей (*consumer welfare*).

В современных экономиках используется два инструмента для преодоления злоупотреблений существенной рыночной властью:

- конкурентное законодательство;
- специфическое отраслевое регулирование, применяемое *ex ante* (в первую очередь в отраслях, известных как естественные монополии).

При недостаточном применении запретов (*underenforcement*) дополнительные, или предельные выигрыши (*BIE*, *Benefits from Increased Enforcement*) превосходят дополнительные, или предельные затраты на правоприменение (*CIE*, *Cost of Increased Enforcement*). Выполнение этого условия оправдывает более активное применение запретов.

Важная оговорка: даже если это условие не выполняется ($CIE > BIE$), более активное правоприменение может быть оправдано, если критерий конкурентной политики – не благосостояние, измеряемое выигрышами участников рынка, а, например, справедливость распределения выигрышей между разными группами участников рынка.

Следует помнить, что определение недостаточного правоприменения тесно связано с определением целей политики и может меняться с течением времени.

Но вернемся к тому варианту, когда именно благосостояние (выигрыши потребителей или общества) – задача и критерий оценки определения законности конкретного типа поведения. Когда же увеличиваются предельные выигрыши (*BIE*)? Это происходит в случае:

- i. лучшего сдерживания действий продавцов, снижающих благосостояние;
- ii. повышения результативности обнаружения и расследования вредоносного (снижающего благосостояние) поведения участников рынка;
- iii. увеличения числа решений о нелегальности действий, снижающих благосостояние (обвинительных решений);
- iv. сокращения числа ложных оправдательных решений;
- v. ускорения принятия решений. Слишком продолжительные расследования – это тоже форма недостаточного применения запретов.

Предельные затраты на применение запретов (СІЕ) складываются:

- i. из дополнительных затрат как истцов (органов конкурентной политики), так и ответчиков (обвиняемых компаний), включая финансовое бремя судебных разбирательств;
- ii. предотвращения повышающих благосостояние действий из-за угрозы, что они будут признаны противоречащими закону;
- iii. издержек на защиту от ошибочного обвинения.

Даже само приведенное перечисление показывает, насколько сложно обосновать активизацию правоприменения по отношению к отдельным рынкам и отдельным типам поведения. Несмотря на достижения экономической теории и обширный массив эмпирических данных, собранных за последние два десятилетия, нет единодушного консенсуса в вопросе о том, следует ли применять запреты более активно и оценивать слияния более скрупулезно. Многие ведущие эксперты утверждают, что да, следует. Кроме того, в последние годы в отношении цифровых платформ и их экосистем приняты новые специфические регулирующие нормы.

На какие же экономические аргументы опираются сторонники и оппоненты усиления регулирующего воздействия (будь то применение антимонопольного законодательства или нового регулирования)?

Аргументы сторонников: оценка поведения в рамках конкурентного (антимонопольного) законодательства

По мнению сторонников более активного применения запретов, в части дополнительных выигрышей от правоприменения (ВІЕ) текущая практика страдает:

- от избыточного использования презумпции законности в отношении действий крупных компаний и, как результат, отказа от углубленного анализа их эффектов. Это верно как для применения антимонопольных запретов, так и для одобрения сделок слия-

ний, и особенно сделок слияний с мелкими соперниками;

- как следствие, от слишком высокой вероятности признания действий законными (ниже я приведу некоторые данные для применения антимонопольного законодательства в США, подтверждающие этот тезис);
- от слишком больших задержек в принятии решений.

Следовательно, для повышения благосостояние нужно было бы выносить больше обоснованных обвинительных решений (iii выше), меньше ложных оправданий (iv выше) и принимать решения быстрее (v выше).

В отношении издержек правоприменения (СІЕ) сторонники большей жесткости говорят, что аргументы о слишком высоких издержках (i) и отрицательном влиянии правоприменения на действия продавцов, повышающих благосостояние (ii), преувеличивают масштаб этих явлений.

Наконец, указывается на то, что предлагаемая реформа применения антимонопольного законодательства упростит процедуры его применения и в конечном счете приведет к относительному снижению издержек правоприменения.

Аргументы сторонников: оценка со стороны регулирования

Сторонники применения регулирующих норм *ex ante* в формате, подобном Закону о цифровых рынках в Евросоюзе (Digital Market Act, принят в 2022 г.), выступают за то, чтобы рассматривать определенные действия на высокотехнологичных цифровых рынках незаконными *per se* и предотвращать их путем установления правил коммерческого поведения заранее. Этот подход выходит за рамки реформирования законодательства о конкуренции и обеспечивает четкие руководящие принципы поведения фирм.

Подчеркивается, что даже если бы реформа применения антимонопольного законодательства была в принципе достаточна, реализация этой реформы сама по себе потребует

слишком длительного времени, в том числе в силу инерции судебной системы.

В дополнение сторонники применения *ex ante* регулирования считают, что оно позволило бы достигать целей, отличных от благосостояния как суммы выигрышей покупателей и продавцов – например, задачу обеспечения справедливости (*fairness*). К вопросу о целях, отличных от благосостояния (*non-welfarist*), мы еще вернемся.

Обоснование позиций важно, поскольку от разрешения дискуссии и выбора модели реформы будет зависеть применение законодательства в ближайшем будущем, включая вероятность избыточной мягкости (недостаточной жесткости) правоприменения.

Прежде чем мы продолжим наше обсуждение, введем понятия стандартов правоприменения. В правоприменении существует три типа стандартов: стандарт разделения законной и незаконной практики (субстантивный стандарт, *substantial standard*), стандарт представления доказательств (*legal standard*) и стандарт принятия решения (стандарт доказательности, *standard of proof*):

- Стандарт законности/незаконности (субстантивный стандарт) разделяет законные и незаконные действия: в настоящее время¹ презумпция законности используется, если ожидаемое воздействие практики на благосостояние положительно, презумпция незаконности – если ожидаемое воздействие отрицательно.

- Стандарты представления доказательств: устанавливают количество доказательственных материалов, необходимых для подтверждения или опровержения принятой презумпции в соответствии со стандартом законности.

- Стандарты принятия решения: определяют степень уверенности, необходимой для принятия решения (обычно опровержения презумпции).

¹ Речь идет в первую очередь о США и странах Европы. Как видно из последующего изложения, конкурентное законодательство других стран может использовать и использует практически иные стандарты оценки законности.

В мировом антимонопольном праве субстантивные стандарты делятся на две группы: благосостояние (выигрыш) покупателей, или благосостояние как сумма выигрышей покупателей и продавцов, и критерии, не основанные на показателях благосостояния (*non-welfarist*). Вторая группа разнородна. Субстантивным стандартом может быть, например, существенное усиление рыночной власти или эффект исключения соперника. Такие критерии относятся к группе простых. Однако существуют и комплексные критерии – например, справедливость (*fairness*) или общественный интерес (*public interest*). Общественный интерес может включать конкурентоспособность, устойчивость и многое другое. Сложные критерии разграничения законности и незаконности в антимонопольном законодательстве используются все чаще. Возможность их применения в отношении крупных цифровых платформ / экосистем в последние годы обсуждается все чаще. Выбор субстантивного и правового стандарта анализируется в литературе как с нормативной точки зрения (какие стандарты следует применять), так и с позитивной точки зрения (какие стандарты применяются практически). Для обеих задач полезно представление стандартов в виде последовательных этапов анализа или инструментов скрининга для отделения законных действий от незаконных.

Инструменты скрининга [1] для действий, потенциально ограничивающих конкуренцию, включают последовательность от S0 до S4:

- S0 (Тип действий): первый шаг, где действие относится к некоторому типу.

- S1 (Структура рынка, на который действуют потенциально незаконные действия): выявление основных характеристик рынка – основные участники, показатели концентрации, барьеры входа, уровень соствязательности рынка.

- S2 (Эффект исключения или усиления рыночной власти): определение, приводит ли рассматриваемое действие к ис-

ключению конкурентов с рынка и/или усилению рыночной власти доминирующего продавца.

- S3 (Потери потребителей): определение влияния на благосостояние потребителей без учета возможных выигрышей от повышения эффективности.

- S4 (Оценка влияния на эффективность – баланс эффектов): сопоставление потерь потребителей от ограничения конкуренции, выявленных в проверках S0–S3, с положительными эффектами для благосостояния.

Определим стандарты представления доказательств (legal standards), соответствующие этим последовательным инструментам скрининга:

1. Если орган конкурентной политики проводит только S0, это строгий стандарт *per se*.

2. Если орган конкурентной политики рассматривает S0 и S1, это модифицированный *per se*, или стандарт, называемый в европейском конкурентном праве *object-based*.

3. Если орган конкурентной политики к S0 и S1 добавит S2 или S2 и S3, это станет усеченным вариантом стандарта оценки эффектов (*truncated effects-based* в Европе, *rule of reason* в США).

4. Наконец, если последовательно применяются все скрининги вплоть до S4, мы получаем полноценный взвешенный подход (*full effects-based* в Европе, *rule of reason* в США).

При анализе потенциального нарушения антимонопольного законодательства бремя доказательства для инструментов скрининга вплоть до S3 лежит на антимонопольном органе; при сопоставлении негативных и позитивных эффектов для благосостояния орган конкурентной политики должен оценить аргументы, предоставляемые компанией – потенциальным нарушителем.

Обратим внимание, что все стандарты, вплоть до полноценного взвешенного подхода (*full effects-based* или *rule of reason*),

основаны на презумпциях. Чем ближе правовой стандарт к незаконному по букве (*per se*), тем сильнее презумпции. Например, презумпция того, что исключаящие условия договора снижают благосостояние на высококонцентрированном рынке (S1) сильнее, чем презумпция того, что благосостояние снижают исключаящие условия договора, фактически приводящие к исключению конкурентов с рынка (S3). Чем ближе стандарт к *per se* незаконности, тем меньше специфической для данного рынка и для данного дела информации требуется антимонопольному органу, чтобы вынести решение.

На практике антимонопольный орган не обязательно реализует скрининги последовательно. Во многих случаях используется «ускоренный анализ», когда структура рынка или уже известные нам эффекты отдельных видов практики на конкретном рынке позволяют оценить эффект для благосостояния на основе разных комбинаций: S0 и S4, S0, S1 и S4 или, наконец, S0, S1, S2 и S4. В США эти комбинации известны как Quick Look стандарты.

Как же определить правильный (оптимальный) правовой стандарт? Традиционный подход основан на принципе минимизации потерь благосостояния от ошибочных решений за вычетом издержек правоприменения. Оптимальный стандарт – это ответ на вопрос, сколько шагов скрининга следует пройти для того, чтобы решить задачу минимизации издержек ошибок при анализе конкретной практики [1, 2].

Современная литература об используемых правовых стандартах и предложениях по реформам, нацеленным на преодоление недостаточного применения запретов

Важная часть литературы – доклад влиятельных американских экономистов и юристов Joint Response to the House Judiciary

Committee on the State of Antitrust Law and Implications for Protecting Competition in Digital Markets (2020) [3]. Авторы доклада утверждают, что следует реформировать и критерии признания практики незаконной, и правовые стандарты, поскольку они избыточно ограничивают применение антимонопольных запретов, что, в свою очередь, ведет к сохранению и укреплению рыночной власти на многих рынках. Например, авторы указывают, что действующие стандарты в отношении исключаяющих практик поддерживают слишком осторожное правоприменение, предъявляют слишком высокие требования к доказательствам. В свою очередь, это останавливает государственные органы и частных истцов от судебного преследования исключаяющих практик. Необоснованные экономические теории, ничем не подтвержденные утверждения о проконкурентных эффектах отдельных практик приводят к тому, что баланс ошибок правоприменения в судах смещен. Суды слишком обеспокоены тем, чтобы не ограничить проконкурентную практику и избежать высоких издержек судебного процесса, и в то же время недооценивают издержки неспособности предотвратить ограничивающую конкуренцию практику.

Критику тезиса о том, что применение антимонопольного законодательства должно избегать в первую очередь ошибок первого, а не второго рода (ложных обвинений, в противоположность ложным оправданиям²), можно найти в работах многих современных юристов [5–7]. В этих статьях можно найти и ссылки на тезисы оппонентов.

Каковы же предлагаемые изменения антимонопольного правоприменения?

Первое предложение – отказ от выигрыша потребителей в качестве критерия законности (*substantive or liability standard*) в пользу более простого стандарта «ограничения конкурентных преимуществ дей-

ствующих на рынке или потенциальных соперников» или «искажения конкурентного процесса».

Если использовать стандарт «ограничения преимуществ соперников», решение может быть принято на основе скрининга S2. В этом случае антимонопольное правоприменение может защищать конкурентов даже в ущерб потребителем. При использовании стандарта «искажения конкурентного процесса» это не так [8]. В рамках этой реформы предлагается сохранить основной стандарт благосостояния потребителей, но изменить стандарт ответственности. Если исключение конкурента с рынка будет продемонстрировано, это будет автоматически указывать на ущерб благосостоянию потребителей, без необходимости доказывать это в каждом отдельном случае. Это изменение особенно актуально на рынках, где задействованы крупные технологические цифровые платформы. Презумпция причинения вреда в таком правовом стандарте считается сильной, что приводит к меньшему количеству ошибок и снижению затрат правоприменения.

Отказу от выигрыша потребителей в качестве субстантивного стандарта посвящен целый ряд статей³.

Второе предложение касается изменения правового стандарта при сохранении стандарта субстантивного. Если доказательства указывают на то, что действия крупной технологической платформы исключают или ограничивают выход конкурентов на рынок, будет достаточно установить ответственность без необходимости доказывать ущерб благосостоянию потребителей или взвешивать потенциальную эффективность от монополизации. В этом случае нет необходимости отказываться от благосостояния потребителей как субстантивного стандарта, достаточна опора на более сильные презумпции.

² Наиболее ярко эта точка зрения изложена в [4].

³ См., например, [9, 10]. Аргументы противоположной стороны представлены в [11].

Одним из аргументов в пользу такого подхода является тот факт, что он повсеместно применяется в отношении картелей. Если критерием законности является благосостояние потребителей, то картели незаконны *per se*, потому что в отношении них обоснованно используется презумпция отрицательного воздействия на выигрыши потребителей.

Третье предложение предполагает снижение стандарта принятия решений, то есть уровня уверенности, необходимого для принятия решения.

Любая из рассмотренных реформ должна ускорить принятие решений при данных ресурсах органов конкурентной политики. При этом важно упомянуть, что предлагаемые реформы взаимосвязаны. Изменение субстантивного стандарта повлияет на выбор правового стандарта и стандарта принятия решений (стандарта доказательности) [12].

Вернемся ко второму предложению. Жак Кремер в Европе, Фиона Скотт Мортон в США предлагают сохранить благосостояние в качестве субстантивного стандарта, но использовать презумпцию потерь благосостояния в отношении практики, для которой доказан эффект ограничения конкуренции. При этом презумпция должна быть опровержимой, но бремя опровержения должно возлагаться на защиту (то есть обвиняемую компанию).

Проанализируем обоснованность этого предложения. В рамках нашего подхода необходимо ответить на вопрос: есть ли основания расширять анализ за пределы S2, то есть продолжать анализировать последствия практики после того, как доказан эффект исключения конкурентов? Проанализируем эту проблему. Возможный недостаток такого подхода – повышение вероятности ошибок первого рода (ошибочных решений о незаконности) на рынках и в экосистемах цифровых платформ. Современная литература показывает, что вероятность такого исхода по крайней ме-

ре существенно ниже на рынках крупных цифровых платформ, нежели на традиционных рынках.

Обратимся к результатам эмпирических исследований. В США взвешенный подход (rule of reason) применяется с 1970-х годов все более широко для все более широкого перечня потенциально незаконной практики. М. Карриер в двух статьях [13, 14] анализирует статистику применения этого подхода судами. Основной вывод: бремя доказательства существенно сдвинуто в сторону обвинения. Суды почти никогда не «взвешивают».

В 97% дел о нарушении антимонопольного законодательства, где применялся взвешенный подход, обвиняемые были оправданы на том основании, что обвинение не может продемонстрировать антиконкурентных эффектов. Только в 3% процессов обвиняемые были осуждены.

Многие эксперты утверждают, что именно высокие стандарты принятия решения (стандарта доказательности) в рамках субстантивного стандарта, основанного на благосостоянии потребителей, объясняют высокую долю оправдательных решений в американских судах, особенно в отношении цифровых платформ.

Переход от стандарта «вне всяких разумных сомнений» к стандарту «преобладание доказательств» мог бы ускорить вынесение обвинительных приговоров. Однако применение такого стандарта противоречит традициям уголовного права в США и антимонопольного законодательства как квазиуголовного (в связи с высокими штрафами) в Европейском союзе.

Реформы, выходящие за пределы антимонопольного права

Наиболее важная реформа за пределами антимонопольного законодательства – это *ex ante* регулирование цифровых платформ в соответствии с принятым в Европейском союзе Законом о цифровом рынке (Digital

Market Act, DMA). Закон, распространяющийся на группу GAFAM (акроним, отражающий группу крупнейших цифровых платформ – Google, Apple, Facebook⁴, Amazon, Microsoft), с точки зрения конкурентной политики вносит следующие новации: во-первых, переходя от субстантивного критерия благосостояния к критерию справедливости и состязательности, во-вторых, вводя *per se* незаконность в отношении некоторых типов практики крупных цифровых платформ. DMA сочетает незаконность по букве определенных типов практики с четкими инструкциями в отношении обязательств группы компаний GAFAM. Первая группа норм инструктирует фирмы о том, чего им не следует делать, а вторая указывает, что им следует делать. Этот подход набирает популярность во многих странах.

Объединение этих реформ – новые принципы применения антимонопольных запретов и новое регулирования DMA-типа – предоставляет существенные преимущества. Процедуры оценки практики крупнейших платформ упрощаются. Затраты органов конкурентной политики снижаются. Возникает возможность более быстрого принятия решений и повышения предсказуемости.

Однако у этих реформ есть свои недостатки, по крайней мере потенциальные. Если мы по-прежнему рассматриваем благосостояние как критерий законности, то весьма вероятно, что незаконность *per se* будет сопровождаться повышением издержек ложных обвинений. Вспомним, что именно эти издержки исторически мотивировали применение запретов, основанное на оценке эффектов.

Вероятность ложных обвинений при применении DMA растет еще больше, нежели при использовании более сильных презумпций в антимонопольном законодательстве.

В последнем случае по крайней мере необходимо представить явные свидетельства исключения соперников с рынка (пусть и не доказывая потери благосостояния).

Более подробный и более формальный анализ последствий снижения стандарта принятия решения (стандарта доказательности) представлен в работах, опубликованных в последние годы:

- Katsoulacos Y., Ulph D. Choosing Assessment Procedures in Antitrust Enforcement in Different Markets and Countries: a Proposal for Extending the Decision-Theoretic Approach // Managerial and Decision Economics. 2022;

- Katsoulacos Y. Could a move to more presumption-based Legal Standards be justified, for the big-tech digital markets, on error-cost minimizing grounds? – In: Antitrust and the Digital Economy: Presumptions, Legal Standards and Key Challenges / ed. by Y. Katsoulacos. Concurrences Antitrust Publications. 2023;

- Katsoulacos Y. Accelerating antitrust enforcement through the use of more presumption-based Legal Standards for the big-tech digital markets // Concurrences Review. 2003. No. 2.

Два главных вывода, к которым я прихожу, состоят в следующем:

- Современные исследования, основанные на принципе минимизации издержек ошибок, не предоставляют безоговорочной поддержки для перехода к правовому стандарту, расширяющему использование презумпций.

- Но важно то, что минимизирующий издержек ошибок выбор правового стандарта для цифровых рынков поддерживает использование более сильных презумпций, чем для традиционных рынков. Причина состоит в том, что цифровые рынки подвержены более существенной рыночной власти и страдают от недостатка состязательности.

Таким образом, мои работы предоставляют некоторую поддержку проводимой реформе.

⁴ Принадлежит компании «Meta», признанной экстремистской организацией, и запрещен в Российской Федерации.

Обсуждение содержания DMA и споры с критиками закона

Обратимся к критике Закона о цифровом рынке (Digital Market Act) и других подобных регулирующих норм (принятых в Великобритании, Австралии, Германии). Вот ссылки на некоторые из них [15–17].

Джузеппе Коланжело утверждает, что «справедливость» (fairness) в качестве фундаментального критерия регулирования, несмотря на длительную историю применения в США и Европе (а я добавлю – в странах БРИКС), сопряжена с большими проблемами.

Коланжело рассматривает потенциальные проблемы, возникающие при обращении к критерию справедливости в рамках применения запретов на монопольно высокие цены, на комбинацию низких конечных цен и высоких цен доступа (margin squeeze), злоупотребления экономической зависимостью и при разработке условий использования результатов интеллектуальной деятельности FRAND.

Но я хочу отметить, что, несмотря на все проблемы применения концепции справедливости, она становится все более популярной в Евросоюзе. Об этом убедительно свидетельствуют доклады на сессии конференции CRESSE 2023, посвященной запрету на монопольно высокие цены. В настоящее время применение критерия справедливости расширяется и на другие группы ущемляющих интересы контрагентов злоупотреблений доминирующим положением на рынках платформ. Таким образом, говоря о нежелании органов конкурентной политики использовать концепцию справедливости, Коланжело был просто неправ.

Критикуя использование концепции справедливости, Коланжело указывает на то, что, будучи расплывчатым и двусмысленным, критерий справедливости потому может быть привлекательным для политиков, что он предоставляет им большую свободу

действий и большие возможности государственных интервенций.

Но в отношении «расплывчатости и противоречивости» Коланжело можно возразить. Так, Жан Тироль и Мишель Бескалья представили на конференции CRESSE 2023 доклад [18], показывающий, что критерий справедливости не является ни расплывчатым, ни двусмысленным. По их мнению, используя критерий справедливости, органы конкурентной политики могут обеспечить пользователям платформы получение «справедливой доли» стоимости, созданной в рамках экосистемы, которую платформа организует. В этом смысле концепция справедливости смыкается с концепцией «эффективной составной цены» (efficient component pricing rule, ЕСРР), или правила Баумоля – Уиллига, которое применялось практически в течение нескольких десятилетий как основа регулирования цен в отраслях естественных монополий.

Таким образом, «расплывчатости» нет. Безусловно, есть проблемы измерения, но совершенно не очевидно, что количественно оценить соответствие критерию справедливости сложнее, чем применить критерий выигрыша/благополучия потребителей и тем более критерий совокупного благополучия. Сложность измерения эффектов для благополучия предельно высока, когда речь идет о крупных технологических платформах. Политика платформ по-разному влияет на ценообразование, качество, разнообразие и инновации. Кроме того, платформы могут предлагать часть услуг бесплатно, что дополнительно усложняет оценку их влияния на благополучие потребителей.

Коланжело критикует Закон о цифровых рынках (DMA) за двусмысленность и за то, что политики могут использовать справедливость как предлог для чрезмерного вмешательства в договоры между компаниями. Хотя опасения по поводу чрезмерного регулирования обоснованы, я не могу

не вспомнить, как акцент на благосостоянии потребителей, особенно в 1970-х годах в США и других странах, также имел политический и неолиберальный подтекст.

Использование стандарта выигрыша потребителей исторически было направлено на то, чтобы избежать обвинительных приговоров в адрес корпораций. Главная задача состояла как раз в том, чтобы достичь не более 3% обвинительных решений в делах о нарушении антимонопольного законодательства.

Вспомним, наконец, что на ограниченность критерия благосостояния указывал такой основоположник либерализма, как Фрэнсис Фукуяма [19]. Он подчеркивал, что многие страны считают общественные блага как минимум не менее и даже более важными, нежели благосостояние потребителей, в качестве целей регулирования рынков.

Этот тезис можно сформулировать иначе. Благосостояние потребителей проблематично оценивать исключительно как экономическое благосостояние, особенно когда речь идет о нематериальных аспектах. Например, доступ к персональным данным – серьезная проблема на крупных технологических и цифровых рынках: получая услуги платформ бесплатно, пользователи предоставляют взамен доступ к персональным данным, не имея представления о способах их использования. Не исключено, что эти способы обработки и использования данных потребители не одобрили бы, если бы они были о них адекватно осведомлены.

Важнейший вопрос – насколько велик разрыв между задачами DMA и благосостоянием? По моему мнению, существуют области, где разрыв между критерием справедливости и благосостоянием очень велик. В экосистемах со сложными вертикальными, комплементарными и конгломератными связями между участниками действия регуляторов, нацеленных на достижение справедливости, с высокой вероятностью снизят

благосостояние. Различие между задачами этих двух типов норм регуляторам следует учитывать.

То же верно и для состязательности. Микроэкономическая теория еще в 80-е годы прошлого века показала, что на рынках с положительной отдачей от масштаба и ассортимента облегчение входа может снизить производственную эффективность и общественное благосостояние. Что, возможно, еще важнее – меры по снижению издержек входа конкурентов на рынок могут лишить крупную доминирующую компанию стимула к приобретению временной рыночной власти и в итоге – стимула к инновациям. Эффективность в результате понизится.

Еще одно соображение. Вход на рынок компаний – носителей радикальной инновации (когда компания создает новый продукт и с ним – новый рынок) предотвратит сложно, если только потенциальные конкуренты полностью не исключены из сектора (например, с помощью инструментов киллерских поглощений – *killer acquisitions*). Однако задача предотвращения киллерских поглощений должна решаться процедурами антимонопольного контроля слияний.

Вот так выглядит ландшафт дискуссий о задачах и альтернативах реформ конкурентной политики для решения проблем существенной рыночной власти цифровых платформ и экосистем.

Благодарю всех слушателей за внимание и возможность представить этот доклад.

Эдуардо Понтуал Рибейро (*профессор Федерального университета Рио-де-Жанейро, руководитель группы экономического анализа конкурентного права GLEC*):

Спасибо большое за очень содержательную презентацию. Мой вопрос о том, как соотносится тест «столь же эффективного конкурента» (*as efficient competitor test*), применяемый Европейской комиссией, со стандартом благосостояния потре-

бителей⁵? Применение этого теста способствует достижению благосостояния потребителей (consumer welfare), предотвращению ограничений входа для соперников (disadvantaging rivals) или обеспечению неискаженной конкуренции (undistorted competition) в качестве субстантивного стандарта?

Янис Катсулакос:

История возникновения теста as efficient competitor (АЕС) восходит к 2005 году. Под руководством Патрика Рея в рамках Европейской комиссии был разработан инструмент, предназначенный для избегания ложного обвинения доминирующего продавца в исключении конкурента. Если условия договоров доминирующего продавца невыгодны для более мелкого конкурента, не дают ему войти на рынок или мотивируют уйти с рынка, следует проверить, могла ли доминирующая компания с ее структурой издержек, будучи на месте этого конкурента, быть конкурентоспособной. Если да, то Европейская комиссия отвергает предположение в ограничении конкуренции. Цель состояла в том, чтобы не защищать неэффективного конкурента.

В качестве инструмента предотвращения ошибок этот тест прямо не связан с каким бы то ни было из указанных стандартов. В действительности он может выходить за пределы выигрыша потребителей. Так, если неэффективный конкурент войдет на рынок, цена может понизиться, и благосостояние потребителей вырастет. Снизится общая сумма благосостояния (total welfare). Так что можно сказать, что этот тест выходит

за пределы целей, установленных стандартом выигрыша потребителей.

Проблемы в связи с этим тестом возникли благодаря тому, что абсолютно корректно его провести чрезвычайно сложно. Это лежит в центре *Саги Интел*, как в европейской конкурентной политике называют историю рассмотрения дела об исключаящих практиках компании Intel. Решение о злоупотреблении доминирующим положением компании Intel было принято Европейской комиссией в 2009 г. В 2014 г. Верховный суд установил, что тест «столь же эффективного конкурента» был проведен при расследовании недостаточно скрупулезно. В 2022 г. на этом основании компания была частично оправдана. В настоящее время Европейская комиссия подает иск об отмене этого решения.

В решении суда по делу Intel многие эксперты усматривают признаки того, что в Европе суды начинают использовать стандарт правоприменения, основанного на оценке эффектов (effects-based enforcement). *Сага Интел* иллюстрирует тот факт, что применение этого стандарта предполагает крайне высокие издержки и ресурсов, и времени.

Светлана Голованова (профессор Нижегородского филиала НИУ ВШЭ, ведущий научный сотрудник Института анализа предприятий и рынков НИУ ВШЭ):

Спасибо за подробную и содержательную презентацию. Мой вопрос относится к последовательности применения инструментов скрининга (от S0 до S4). Правильно ли я понимаю, что в случае снижения правовых стандартов влияние цифровых платформ на эффективность во внимание приниматься не должно? Насколько оправдан такой подход?

Янис Катсулакос:

В своей презентации я осветил не практику применения антимонопольных запретов Европейской комиссией, а ландшафт дискуссий, посвященных тому, как реформи-

⁵ Тест «столь же эффективного конкурента» – аналитический прием, применяемый Европейской комиссией для оценки условий договоров вертикально интегрированного продавца. Считается, что эти условия не ограничивают конкуренцию сознательно, если конкурент со структурой и уровнем издержек такими же, как у доминирующего укоренившегося продавца, может конкурировать по цене, уплачивая за доступ на рынок столько, сколько назначил доминирующий продавец.

ровать применение конкурентного законодательства, сталкиваясь с действиями цифровых платформ.

Мое предложение состоит не в том, что орган конкурентной политики должен отказываться выслушивать аргументацию цифровых платформ о влиянии их действий на благосостояние потребителей или об отсутствии ограничений конкуренции. Мое мнение состоит в том, что целесообразно перераспределить бремя доказывания. Если орган конкурентной политики установил факт ограничения конкуренции, здесь он может поставить точку в анализе со своей стороны. С этого момента должна действовать опровергаемая презумпция отрицательного воздействия на эффективность. Компании должно быть предоставлено право в течение ограниченного времени доказать либо положительное влияние практики на эффективность, либо отсутствие ограничений конкуренции. Такой подход уже позволит сократить срок принятия решений. Главное в реформе – перераспределение бремени доказывания.

Наталья Павлова (*доцент кафедры конкурентной и промышленной политики экономического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова; старший научный сотрудник Центра исследований конкуренции и экономического регулирования Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте России*):

У меня два вопроса. Первый вопрос: говоря о благосостоянии потребителей, как именно современная конкурентная экономика рассматривает потребителей? Считаем ли мы потребителей рациональными (как это принято в экономикс) или учитываем возможную иррациональность и искажения в выборе потребителей. Второй вопрос: насколько, по Вашему мнению, мы хорошо понимаем содержание концепции справедливости, чтобы рассматривать справедливость как субстантивный стандарт?

Янис Катсулакос:

При интерпретации поведения крупных компаний в поведении потребителей, конечно же, учитываются выводы поведенческой экономики как специального раздела экономической теории, посвященного несовершенствам выбора потребителей. Среди юристов – экспертов по конкуренции могу порекомендовать статьи У. Ковачича. Он не только пишет о роли поведенческой экономики для конкурентной политики [20], но и читает лекции об этом на летней школе CRESSE.

В отношении второго вопроса. Во-первых, я еще раз рекомендую статью Тироля и его соавтора [18]. Они показывают, что концепция справедливости применима к оценке условий договора, влияющих на распределение ренты между участниками экосистемы. Между участниками экосистемы складываются сложные отношения – вертикальные, конгломератные, они могут замещать, а могут дополнять услуги друг друга. Но они вместе создают стоимость, и справедливость состоит в том, что они должны получать вознаграждение, соответствующее их вкладу в общую стоимость.

Этот подход как бы говорит, что до сегодняшнего дня конкурентная политика была слишком озабочена благосостоянием конечных потребителей и пренебрегала вопросом распределения созданной стоимости между компаниями. DMA и подобные законодательные инициативы компенсируют этот пробел.

Наконец, даже если мы не всегда можем определить, какие условия договоров справедливы, несправедливость условий мы можем оценить. Вот лишь один из примеров: взаимоотношения цифровых платформ со средствами массовой информации. Платформы, такие как Google и Facebook⁶, активно используют созданный СМИ контент

⁶ Принадлежит компании «Meta», признанной экстремистской организацией, и запрещен в Российской Федерации.

для привлечения внимания пользователей. При этом собирают данные о пользователях и зарабатывают на потоках цифровой рекламы. В свою очередь, СМИ не получают ничего. Этим вопросом озабочены государственные органы всего мира; и эта практика, конечно же, несправедлива по отношению к СМИ.

Светлана Авдашева:

Спасибо большое, Янис, еще раз за очень содержательную презентацию, а всем участникам обсуждения – за их внимание и вопросы.

Вопросы, поднятые в сегодняшней лекции, являются предметом многочисленных дискуссий в разных странах. Помимо тех работ, на которые ссылался докладчик, мы рекомендуем следующие публикации на русском языке:

1. *Авдашева С. Б., Юсупова Г. Ф., Корнеева Д. В.* Конкурентное законодательство в отношении цифровых платформ: между антитрастом и регулированием // Вопросы государственного и муниципального управления. 2022. № 3. С. 61–86. DOI: 10.17323/1999-5431-2022-0-3-61-86.

2. *Коваленко А. И.* Многосторонние платформы и концепция ключевых мощностей // Современная конкуренция. 2019. Т. 13. № 3. С. 26–34. DOI: 10.24411/1993-7598-2019-10303.

3. *Коваленко А. И.* Сетевой эффект как признак доминирующего положения цифровых платформ // Современная конкуренция. 2020. Т. 14. № 1. С. 18–37. DOI: 10.37791/1993-7598-2020-14-1-18-37.

4. *Коваленко А. И.* Ограничения рыночной власти цифровых платформ // Современная конкуренция. 2020. Т. 14. № 2. С. 89–105. DOI: 10.37791/1993-7598-2020-14-2-89-105.

5. *Коваленко А. И.* Отказ от благосостояния потребителя при антитрасте цифровых платформ // Современная конкуренция. 2021. Т. 15. № 3. С. 97–105. DOI: 10.37791/2687-0657-2021-15-3-97-105.

6. *Шаститко А. Е., Маркова О. А.* Старый друг лучше новых двух? Подходы к исследованию рынков в условиях цифровой трансформации для применения антимонопольного законодательства // Вопросы экономики. 2020. № 6. С. 37–55. DOI: 10.32609/0042-8736-2020-6-37-55.

Список литературы

1. *Katsoulacos Y., Ulph D.* Choosing legal rules or standards in antitrust enforcement: A proposal for extending and facilitating the use of the decision-theoretic approach // Managerial and Decision Economics. 2023. Vol. 44. No. 4. P. 1876–1894. DOI: 10.1002/mde.3787.
2. *Katsoulacos Y., Ulph D.* Optimal assessment procedures and legal standards in antitrust enforcement // CRESSE. March 2022. URL: <https://cresse.info/wp-content/uploads/2022/03/Optimal-Assessment-Procedures-and-LSS-March-2022-for-CRESSE-site.pdf> (дата обращения: 26.12.2023).
3. *Baker J. B., Farrell J., Gavil A. I., Gaynor M., Kades M., Katz M. L., Kimmelman G., Melamed D., Rose N. L., Salop S. C., Scott Morton F. M., Shapiro C.* Joint Response to the House Judiciary Committee on the State of Antitrust Law and Implications for Protecting Competition in Digital Markets // Howard Law Research Paper. April 30, 2020. URL: <https://ssrn.com/abstract=3632532> (дата обращения: 26.12.2023). DOI: 10.2139/ssrn.3632532.
4. *Easterbrook F. H.* Limits of antitrust // Texas Law Review. 1984. Vol. 63. No. 1. P. 1–40.
5. *Hovenkamp H.* Antitrust Error Costs // University of Pennsylvania Journal of Business Law. 2021. No. 24. P. 293–349. DOI: 10.2139/ssrn.3853282.
6. *Gavil A. I., Salop S. C.* Probability, Presumptions and Evidentiary Burdens in Antitrust Analysis: Revitalizing the Rule of Reason for Exclusionary Conduct // University of Pennsylvania Law Review. 2020. Article 2218. DOI: 10.2139/ssrn.3523361.
7. *Baker J. B.* Taking the Error out of Error Cost Analysis: What's Wrong with Antitrust's Right // Antitrust Law Journal. 2015. Vol. 80. No. 1. P. 1–39. DOI: 10.2139/ssrn.2333736.
8. *Fox E. M.* What is Harm to Competition? – Exclusionary Practices and Anticompetitive Effect // Antitrust Law Journal. 2002. No. 70. P. 371–411.

9. *Caffarra C.* Consumer Welfare Is Dead”: What Do We Do Instead? – A Perspective from Europe // ProMarket. April 27, 2023. URL: <https://www.promarket.org/2023/04/27/consumer-welfare-is-dead-what-do-we-do-instead-a-perspective-from-europe/> (дата обращения: 26.12.2023).
10. *Salop S. C.* The Reasonable Competitive Conduct Standard for Antitrust // Stigler Center Conference. May 16, 2023. P. 1–16. DOI: 10.2139/ssrn.4419656.
11. *Melamed A. D., Petit N.* The misguided assault on the consumer welfare standard in the age of platform markets // Review of Industrial Organization. 2019. No. 54. P. 741–774. DOI: 10.1007/s11151-019-09688-4.
12. *Katsoulacos Y.* On the concepts of legal standards and substantive standards (and how the latter influences the choice of the former) // Journal of Antitrust Enforcement. 2019. Vol. 7. No. 3. P. 365–385. DOI: 10.1093/jaenfo/jnz011.
13. *Carrier M. A.* The real rule of reason: bridging the disconnect // Brigham Young University Law Review. 1999. No. 4. P. 1265–1365.
14. *Carrier M. A.* Rule of reason: An empirical update for the 21st century // George Mason Law. Review. 2008. Vol. 16. No. 4. P. 827–837.
15. *Schweitzer H.* The Art to Make Gatekeeper Positions Contestable and the Challenge to Know What is Fair: A Discussion of the Digital Markets Act Proposal // Forthcoming, ZEuP. 2021. No. 3. P. 1–35.
16. *Witt A. C.* The Digital Markets Act: Regulating the Wild West // Common Market Law Review. 2023. Vol. 60. No. 3. P. 625–666. DOI: 10.54648/COLA2023047.
17. *Colangelo G.* In Fairness We (Should Not) Trust. The Duplicity of the EU Competition Policy Mantra in Digital Markets. ICLE white paper; forthcoming in The Antitrust Bulletin. February 17, 2023. DOI: 10.2139/ssrn.4360057.
18. *Tirole J., Bisceglia M.* Fair gatekeeping in digital ecosystems // Toulouse School of Economics. 2023. Working Paper 1452. URL: https://www.tse-fr.eu/sites/default/files/TSE/documents/doc/wp/2023/wp_tse_1452.pdf (дата обращения: 26.12.2023).
19. *Fukuyama F.* Liberalism and its Discontents. – Farrar, Straus and Giroux, 2022. – 192 p.
20. *Cooper J. C., Kovacic W. E.* Behavioral economics: implications for regulatory behavior // Journal of Regulatory Economics. 2012. Vol. 41. No. 1. P. 41–58. DOI: 10.2139/ssrn.1892078.

Поддержка исследования

Семинар поддержан Программой фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

Статья поступила 03.12.2023, рассмотрена 11.12.2023, принята 19.12.2023

References

1. Katsoulacos Y., Ulph D. Choosing legal rules or standards in antitrust enforcement: A proposal for extending and facilitating the use of the decision-theoretic approach. Managerial and Decision Economics, 2023, vol.44, no.4, pp.1876-1894. DOI: 10.1002/mde.3787.
2. Katsoulacos Y., Ulph D. Optimal assessment procedures and legal standards in antitrust enforcement. CRESSE, March 2022. Available at: <https://cresse.info/wp-content/uploads/2022/03/Optimal-Assessment-Procedures-and-LSs-March-2022-for-CRESSE-site.pdf> (accessed 26.12.2023).
3. Baker J. B., Farrell J., Gavil A. I., Gaynor M., Kades M., Katz M. L., Kimmelman G., Melamed D., Rose N. L., Salop S. C., Scott Morton F. M., Shapiro C. Joint Response to the House Judiciary Committee on the State of Antitrust Law and Implications for Protecting Competition in Digital Markets. Howard Law Research Paper, April 30, 2020. Available at: <https://ssrn.com/abstract=3632532> (accessed 26.12.2023). DOI: 10.2139/ssrn.3632532.
4. Easterbrook F. H. Limits of antitrust. Texas Law Review, 1984, vol.63, no.1, pp.1-40.
5. Hovenkamp H. Antitrust Error Costs. University of Pennsylvania Journal of Business Law, 2021, no.24, pp.293-349. DOI: 10.2139/ssrn.3853282.
6. Gavil A. I., Salop S. C. Probability, Presumptions and Evidentiary Burdens in Antitrust Analysis: Revitalizing the Rule of Reason for Exclusionary Conduct. University of Pennsylvania Law Review, 2020, article 2218. DOI: 10.2139/ssrn.3523361.
7. Baker J. B. Taking the Error out of Error Cost Analysis: What's Wrong with Antitrust's Right. Antitrust Law Journal, 2015, vol.80, no.1, pp.1-39. DOI: 10.2139/ssrn.2333736.

8. Fox E. M. What is Harm to Competition? – Exclusionary Practices and Anticompetitive Effect. *Antitrust Law Journal*, 2002, no.70, pp.371-411.
9. Caffarra C. Consumer Welfare Is Dead”: What Do We Do Instead? – A Perspective from Europe. *ProMarket*, April 27, 2023. Available at: <https://www.promarket.org/2023/04/27/consumer-welfare-is-dead-what-do-we-do-instead-a-perspective-from-europe/> (accessed 26.12.2023).
10. Salop S. C. The Reasonable Competitive Conduct Standard for Antitrust. *Stigler Center Conference*, May 16, 2023, pp.1-16. DOI: 10.2139/ssrn.4419656.
11. Melamed A. D., Petit N. The misguided assault on the consumer welfare standard in the age of platform markets. *Review of Industrial Organization*, 2019, no.54, pp.741-774. DOI: 10.1007/s11151-019-09688-4.
12. Katsoulacos Y. On the concepts of legal standards and substantive standards (and how the latter influences the choice of the former). *Journal of Antitrust Enforcement*, 2019, vol.7, no.3, pp.365-385. DOI: 10.1093/jaenfo/jnz011.
13. Carrier M. A. The real rule of reason: bridging the disconnect. *Brigham Young University Law Review*, 1999, no.4, pp.1265-1365.
14. Carrier M. A. Rule of reason: An empirical update for the 21st century. *George Mason Law. Review*, 2008, vol.16, no.4, pp.827-837.
15. Schweitzer H. The Art to Make Gatekeeper Positions Contestable and the Challenge to Know What is Fair: A Discussion of the Digital Markets Act Proposal. *Forthcoming, ZEuP*, 2021, no.3, pp.1-35.
16. Witt A. C. The Digital Markets Act: Regulating the Wild West. *Common Market Law Review*, 2023, vol.60, no.3, pp.625-666. DOI: 10.54648/COLA2023047.
17. Colangelo G. In Fairness We (Should Not) Trust. The Duplicity of the EU Competition Policy Mantra in Digital Markets. *ICLE white paper; forthcoming in The Antitrust Bulletin*, February 17, 2023. DOI: 10.2139/ssrn.4360057.
18. Tirole J., Biscaglia M. Fair gatekeeping in digital ecosystems. *Toulouse School of Economics*, 2023, Working Paper 1452. Available at: https://www.tse-fr.eu/sites/default/files/TSE/documents/doc/wp/2023/wp_tse_1452.pdf (accessed 26.12.2023).
19. Fukuyama F. *Liberalism and its Discontents*. Farrar, Straus and Giroux, 2022, 192 p.
20. Cooper J. C., Kovacic W. E. Behavioral economics: implications for regulatory behavior. *Journal of Regulatory Economics*, 2012, vol.41, no.1, pp.41-58. DOI: 10.2139/ssrn.1892078.

Research Support

Seminar is supported by the Basic Research Program, National Research University Higher School of Economics.

Received 03.12.2023, reviewed 11.12.2023, accepted 19.12.2023